

С Л О В О

въ недѣлю православія.

Сего дня св. церковь празднественно воспоминаетъ торжество православія. Въ первый разъ совершено было торжество это въ церкви Христовой по случаю окончательнаго низложенія враговъ православія—иконоборцевъ. Сто десять лѣтъ еретики эти силились разоблачить Невѣсту Христову отъ Богодарованной ей лѣпоты. Сто десять лѣтъ, почти непрерывно, лились и слезы и неповинная кровь православныхъ. Когда же ересь иконоборческая на 7-мъ вселенскомъ соборѣ была низложена, а иконопочитаніе, соборомъ тѣмъ утвержденное, во дни благочестивѣйшей Греческой царицы

Теодоры, окончательно возстановлено, и совокупная молитва этой царицы и православных читателей лѣноты церковной, въ теченіи всей первой седмицы великаго поста, объ умершемъ иконоборцѣ, мужѣ ея, милующимъ Господомъ была принята и исполнена: православные пастыри, въ чувствахъ радованія о побѣдѣ православія, вотъ и положили—въ слѣдующее же затѣмъ первое воскресеніе поста совершать торжество иконопочитанія крестнымъ ходомъ изъ церквей приходскихъ въ храмъ соборный, чтобы тамъ торжественно ублажить поборниковъ церкви и анаематствовать враговъ ея. А дабы и навсегда сохранить въ памяти торжество сіе, они опредѣлили въ этотъ же самый день совершать его и во все грядущее вѣка.

Всматриваясь въ нынѣшній обрядъ православія, мы однако находимъ въ немъ болѣе, чѣмъ одно только торжество иконопочитанія: въ немъ полное торжество всей Христовой истины и св. церкви Его. Полноту эту обрядъ православія получилъ съ тѣхъ поръ, какъ на день же православія перенесено было церковію празднественное воспоминаніе о седьмомъ вселенскомъ соборѣ, который, какъ извѣстно, утвердивъ иконопочитаніе, утвердилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все, бывшіе до него, соборы вселенскіе. Торжественно изреченныя на соборѣ семь слова: *сія вѣра Апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди*, въ обрядѣ православія, очевидно, указываютъ на все ученіе вселенской церкви, на весь кругъ христіанскихъ истинъ. Такъ нынѣ—торжественный день всего православія.

Въ какомъ же духѣ церковь совершаетъ торжество сіе? Въ какомъ духѣ изрекаетъ она благословія всемъ живущимъ и отшедшимъ ко Господу въ вѣрѣ и благочестіи отцамъ и братіямъ нашимъ, а равно въ какомъ духѣ произноситъ она и осужденіе на всехъ, кто уклоняется отъ ея вселенскаго ученія словомъ, жизнію и писаніемъ и анаематствуетъ ихъ?

Отвѣтъ на эти вопросы даетъ намъ Апостолъ Павелъ. Онъ говоритъ, что Божественный основатель церкви до того возлюбилъ свою церковь, что за нее предалъ себя и на смерть (Ефес. V, 25) и что, въ силу этой любви, Онъ сдѣлалъ для

нея все, чтобы она не имела пятна или порока, а напротивъ была бы во всемъ *свѣта и непорочна* (ст. 27) и подобна Ему, какъ *дѣва* чистая, какъ *невеста* Его. Мысль у Апостола — та, что церковь, какъ созданіе высочайшей любви и святости Божественной, естественно и неизмѣнно должна во всемъ отражать на себѣ духъ своего Основателя, т. е. выражать въ своей жизни, въ своемъ учении и во всѣхъ учрежденіяхъ Его любовь и милосердіе, святость и чистоту. Этотъ именно духъ выражаетъ церковь и въ обрядѣ православія. Въ самомъ дѣлѣ, передавая изъ рода въ родъ и изъ вѣка въ вѣкъ благодарное воспоминаніе о своихъ великихъ ревнителяхъ и поборникахъ истины Христовой за ненарушное ими сохраненіе ея, распространеніе и отраженіе словомъ, житіемъ и писаніемъ отъ наплыва человѣческаго лжемыслия, св. православная церковь что иное желаетъ чрезъ это высказать чадамъ своимъ, если ни одну заботливую любовь о благѣ ихъ, если ни одно святое желаніе указать имъ образцы для ихъ вѣры и жизни, или сказать тоже самое, что, въ свое время, сказалъ Апостолъ христіанамъ изъ Евреевъ: *поминайте наставники вама, иже глаголиша вамъ слово Божіе, и ихже взирающе на скончаніе житіельства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII, 7). Ублажаемые въ обрядѣ православія ревнители и поборники истины и суть, воистину, такіе наставники наши, вѣрѣ и св. трудамъ которыхъ на благо церкви мы и должны подражать и, подражая, благодарно воспоминать о нихъ. Дѣйствительно, это были мужи, достойные всякаго подражанія. Жизнь ихъ ознаменована была осязательнымъ присутвіемъ въ нихъ страха Божія и благодати Божіей; ученіе оправдано святою ихъ жизнью; богоугодность жизни подтверждена блаженною ихъ кончиною; вѣра и учительское призваніе запечатлѣны были часто исповѣдничествомъ, а нерѣдко и мученическою кровію; до смерти и послѣ оной, многіе изъ нихъ чудодѣйствовали; костей и самой плоти даже у многихъ изъ нихъ не коснулось тлѣніе, какъ жилищъ Духа Божія. Словомъ, это были живые органы Духа Святаго, которыхъ верховный Правитель церкви, Господь Іисусъoble-

каль *силою свыше* для сохраненія и огражденія истины небесной. *Исполни же повелъ еи живити ономъ иже въ земли ои* Воспомяна и ублажая, по этому, предъ настоящими членами своими такихъ высокихъ наставниковъ истины Христовой, блюстителей и защитниковъ ея изъ всѣхъ временъ и мѣстъ, св. церковь, въ хобрадѣ православія, очевидно, не имѣеть другого желанія, кромѣ одного материнскаго желанія сказать намъ: вотъ кто и вотъ какіе образцы вашей вѣры! Подражайте же этимъ образцамъ, и вы спасетесь. Святѣйшее благожеланіе! Полнѣйшее выраженіе матерней любви! *кобъ и тѣмъ* Такое напоминаніе, кромѣ пользы и назиданія, должно приносить намъ и духовную радость и ободреніе. Не съ миромъ ли, въ самомъ дѣлѣ, не съ утѣшеніемъ ли въ сердцѣ, послѣ обряда православія, изыдемъ и мы изъ св. храма, если, по испытаніи вѣры нашей, совѣсть наша позволитъ сказать и намъ: и наша вѣра Апостольская, отеческая, православная, та именно, которая утвердила вселенную и съ челоувѣкомъ грѣшникомъ умиротворила и умиротворяетъ Господа? Да, великая радость для сердца нашего, сего главнаго органа вѣры, когда знаешь, что и мы вѣруемъ православно, т. е. такъ, какъ вѣровать научаетъ насъ Христосъ, какъ вѣровали Петръ и Павелъ, и весь Апостольскій лигъ, какъ вѣрвало *пресвѣтлѣе мученическое воинство*, великіе вселенскіе учителя и вся послѣдующая за ними до нашихъ дней православная церковь. И тѣмъ болѣе, тѣмъ глубже и живѣе должна нами чувствоваться эта радость, что она совмѣщаетъ въ себѣ не только все, что дорого христіанскому чувству, но также и все, что дорого и христіанскому смыслу. Въ ней и радость о божественности исповѣдуемой нами христіанской истины, пребывающей доселѣ единою и неизмѣнною, какъ мысль Божія, какъ истина вѣчная, какъ слово непреложное; и радость о неодолимости православной церкви, сохранившей во всей дѣлности и чистотѣ богопреданную ей истину, и устоявшей и устоявающей, подобно несокрушимой скаль, противъ всяческихъ напоровъ на нее адскихъ козней, гордыннаго возношенія челоувѣческаго ума и открытыхъ многовѣковыхъ ттеній; и радость о дѣлности драгоценнаго наследія вѣры, какое воспріями мы отъ нашихъ предковъ и

какое, въ свою очередь, имѣемъ счастье передать и грядущимъ за нами поколѣніямъ въ такой же цѣлости и неповрежденности; и радость, наконецъ, о сбывающемся во очію всѣхъ божественномъ обѣтованіи Господа Иисуса, что Онъ пребудетъ съ своею церковію *во вся дни*, какъ всемогущій ея охранитель. Да, надо быть духовно слѣпымъ, чтобы не видѣть, что исторія церкви есть не другое что, какъ исторія непрерывнаго Божія промысленія о ней, и что этою только Божественною помощію и объясняются: ея непобѣдимость и божественная чистота, а равно и никогда не оскудѣвающее число ея добропобѣдныхъ защитниковъ и проповѣдниковъ.

Не меньшее благожеланіе, одинаковую заботливость любви о чадахъ своихъ выражаетъ св. церковь и въ той собственно половинѣ обряда православія, въ которой произносить она свое осужденіе на нѣкоторыхъ чадъ и анаематствуетъ ихъ. Правда, не легко для слуха и сердца слово—анаема, а для неискусныхъ въ вѣрѣ и въ особенности для отрицающихъ божественный авторитетъ церкви этотъ ударъ суда духовнаго кажется даже и несообразнымъ съ любовью Христовою и вообще съ духомъ христіанской любви, которая, по слову Апостола, *вся терпитъ* (1 Кор. XIII, 7). Но, братія, кто же не знаетъ и того, что чистая любовь *терпитъ* вся можетъ только дотолѣ, пока не нарушается ея святость (2. Кор. VI, 14, 15)? Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ земной жизни своей далъ намъ самый величайшій примѣръ любви; но и Онъ, однако, говорилъ нѣкоторымъ: *Я не знаю васъ*. Равнымъ образомъ и церковь, какъ благоустроенное и самостоятельное общество, управляемое божественными законами и воспитывающее членовъ своихъ для святой и вѣчной жизни, можетъ считать своими и терпѣть въ нѣдрахъ своихъ только тѣхъ изъ нихъ, которые повинуются ея голосу и ученію и только дотолѣ, пока они, по мѣрѣ силъ, ревнуютъ о нравственной чистотѣ и святости. Иначе она сама должна разложиться, святость ея исчезнуть, а любовь перейти въ потворство всякому разврату и полнѣйшему индифферентизму въ образѣ мысли и жизни. Съ другой сто-

роны, не дѣло ли церкви, не прямой ли долгъ матерней любви ея и предохранять свое вѣрное общество отъ заблужденій и особенно отъ такой заразы, которая, растлѣвая и убивая душу во времени, грозитъ ей отчужденіемъ отъ Бога и духовною смертію въ самой вѣчности? Это самое церковь и дѣлаетъ въ своемъ анаематствованіи. Такъ, она произноситъ судъ свой и отлучаетъ отъ себя чадъ своихъ: но кого же изъ нихъ? Тѣхъ только, которые отказались отъ послушанія ей, которые своимъ образомъ мысли и жизни стали ей чужды, даже прямо враждебны и составляютъ язву и заразу въ семьѣ ея; тѣхъ, которые развратомъ мысли и дѣлъ иссушили въ себѣ струю жизни духовной и закрыли свое сердце для благодатныхъ вѣщаній ея.

Дѣйствительно, какая можетъ быть духовная жизнь въ тѣхъ членахъ, которые не вѣруютъ въ Бога, которые открыто отвергаютъ Христа, какъ Спасителя міра, и, *попирая* Его, святѣйшаго *Анца Божія*, и Его *заслуженную кровь* (Евр. X, 29), отрицаютъ и самую Его церковь! Какаѣ жизни духа у тѣхъ, которые на все въ мірѣ смотрятъ, какъ на игру только случая, или какъ на дѣло слѣбной необходимости, а отнюдь не какъ на дѣло Божественнаго Провидѣнія, и, по мысли которыхъ, наше рожденіе и воспитаніе и даже самая судьба жизни, не исключая и владыкъ земныхъ, тоже не болѣе, какъ явленія случайныя! Какаѣ, наконецъ, жизнь въ тѣхъ, у которыхъ цѣль жизни—однѣ чувственныя наслажденія, а смерть—совершенное исчезновеніе челоуѣка! Родился случайно, живи, какъ хочется, умри, какъ придется: вотъ будто и все! Нѣтъ, такихъ людей самъ Богъ называетъ уже *плотію* (Быт. VI, 3). Въ нихъ умерла жизнь духа. Самолюбіе и одни страсти руководятъ ими и, подъ вліяніемъ духа лжи и вражды, они вездѣ сѣютъ только раздоры и несогласія и всячески силятся извратить богоуказанный токъ жизни и порядка. Для спасенія отъ соблазна и предохраненія отъ гибели вѣрныхъ чадъ своихъ, что остается дѣлать съ такими членами матери нашей—церкви? Скажите, что? Безъ сомнѣнія,—одно только, что и дѣлаетъ она: произнести публичное осужденіе на ихъ образъ мысли и жизни и отлучить ихъ отъ общества вѣрующихъ, чтобы такимъ обра-

зомъ прекратить ихъ пагубное вліяніе на сихъ послѣднихъ. А что, братіе, дѣлается въ видахъ общаго блага и притомъ по самой крайней необходимости, то дѣлается не по жестокости.

Дѣйствительно, и при такихъ побужденіяхъ, анаематствование было бы еще жестоко, если бы оно было безусловно, т. е. если бы отлучаемымъ отъ церкви навсегда прегражденъ былъ возвратъ въ лоно ея. Тогда отлученіе видимо равнялось бы осужденію отлучаемыхъ на вѣчную гибель; потому что виѣ церкви нѣтъ спасенія. Но церковное анаематствование — не таково. По намѣреніямъ церкви, оно все таки есть мѣра только исправительная и, какъ таковая, подлечить условіямъ времени. Притомъ и срокъ отлученія зависить отъ самихъ же отлучаемыхъ. Вдумаются они въ себя, познаютъ свое заблужденіе, увѣруютъ паки въ Господа Иисуса, припадутъ къ Его всепримиряющимъ язвамъ и животворящей крови, прибѣгутъ съ сокрушеніемъ и слезами къ прежней матери своей — церкви, и она, какъ болѣзную мать, снова и со всею любовію отверзаетъ для нихъ свои объятія, и отлученіе прекращается.

Чтобы это виднѣе было, послушаемъ, какъ духъ церковнаго анаематствования раскрываетъ Апостоль Павелъ. *О имени Господа нашего Иисуса Христа, въ общемъ собраніи вашемъ, въ соприсутствіи и моего духа, предать таково сатанѣ во изможденіе плоти!* писалъ Апостоль Коринѣянамъ. Такой судъ произнесъ Апостоль надъ кровосмѣсникомъ, послѣ строгаго замѣчанія коринѣянамъ, что доселѣ таковой небылъ ими отлученъ отъ среды ихъ (1 кор. V, 2—5). Судъ Апостольскій, очевидно, строгъ: на что руководило устами Апостола? Кромѣ охраненія христіанской общины отъ нечистоты и соблазна, руководило имъ и желаніе добра самому виновному. *Да духъ его, тотчасъ же прибавляетъ онъ, спасется.* Дѣйствительно, когда отлученный отъ собранія вѣрующихъ и, по заповѣди Апостола, преданный сатанѣ на изможденіе плоти, кровосмѣсникъ раскаялся и исправился: Апостоль просить уже Коринѣянь *утѣшить* его и снова принять въ общество вѣрующихъ, *да некакъ, писалъ онъ, многою скорбію пожертвуетъ таковой* (2 Кор. II, 7).

Таковъ вообще характеръ церковнаго отлученія! Такова послѣдняя цѣль его!

А что въ этомъ именно духѣ церковь дѣйствуетъ и нынѣ по отношенію къ анаематствуемымъ, это до очевидности усматривается изъ той молитвы, какою заключается обрядъ православія. Воспоминая несчастныхъ, надъ которыми, нѣсколько минутъ назадъ, церковь произносила свою анаему, и бросая на нихъ взглядъ, какъ бы взглядъ матери, отрывающей отъ себя, но въ тоже время и горько оплакивающей непокорныхъ чадъ своихъ, совершитель суда церковнаго въ заключительной молитвѣ своей съ глубокою скорбію молитъ Господа, чтобы Онъ сжаляся надъ несчастными и не далъ погибнуть имъ, чтобы взялъ ихъ подъ свое непосредственное смотрѣніе. Самъ, *ими же вѣсть судьбами*, коснулся ожесточенныхъ сердецъ ихъ, обратилъ ихъ къ познанію спасительной истины и присоединилъ паки къ избранному стаду Христову. О, какой это глубоко назидательный и трогательный моментъ! Его и одного достаточно, чтобы снять съ церкви ви клевету, какую возводятъ на нее враги ея въ жестокости и отступленіи и будто бы ея отъ духа Христова по повелю анаемы.

Такъ, братія, ясно, что въ обрядѣ православія выражается заботливая любовь матери нашей — церкви ко всѣмъ намъ, не исключая и анаематствуемыхъ, и св. ревность ея объ охраненіи нашей духовно-нравственной чистоты. Прислушаемся же внимательно къ ея матернему суду и, по ея указаніямъ, исправимъ наши недостатки въ образѣ мысли и жизни. Прислушаемся съ любовью и покорностію. Ахъ, къ чему пренословіе и гордыня противъ той, которая не самоизвольно, но по предвѣчному обрѣдѣнію Вседержителя, наречена быть нашею матерію для нашего духовнаго рожденія и воспитанія, и которая для цѣлаго міра есть *столъ и утвержденіе истины* (2 Тим. 111, 15)! Зачѣмъ закрывать слухъ и сердце для благодатныхъ вѣщаній ея, когда она желаетъ намъ одного добра и воспитала уже миллионы братьевъ и сестеръ нашихъ, съ твердымъ упованіемъ препославъ ихъ въ свѣтлыя

обители небесныя! Зачѣмъ упорствомъ и непокорностію готовить себѣ погибель вѣчную! Молитвами всѣхъ вѣрныхъ чадъ церкви да не будетъ сего съ нами!

Протоіерей В. Розалиевъ.

II.

Изъ воспоминаній о жизни старца Кирилла, іеродіакона Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни.

Екатерино-Лебяжская пустынь надолго сохранитъ добрую память о старцѣ іеродіаконѣ Кириллѣ, скончавшемся 20 декабря 1881 года, на 76 году жизни. Старецъ этотъ всю свою жизнь, и будучи міряниномъ, и неся подвиги иноческой жизни, отличался глубокою и пламенною любовію къ Богу, рѣдкимъ терпѣніемъ въ житейскихъ невзгодахъ и лишенияхъ, младенческимъ незлобіемъ и непоколебимою твердостью вѣры и преданностію св. церкви, постоянствомъ въ благочестивыхъ подвигахъ и благотворительностію ближнимъ.

Кругъ его дѣятельности былъ очень не великъ и скромный, но зато въ этомъ тѣсномъ кругу свѣтъ его добродѣтелей виденъ былъ для всякаго, кто имѣлъ къ нему какія либо отношенія; для всякаго изъ знавшихъ его лицъ благочестивая жизнь его представляла живой пригѣръ назиданія и достоподражаемый образецъ. Въ виду этого полезнымъ считаемъ сообщить читателямъ Кавказскихъ Епархіальныхъ Ведомостей краткую біографію сего боголюбиваго старца.

Мірское имя его было Константинъ, а фамилія Балюкъ. Онъ былъ потомокъ славныхъ запорожскихъ казаковъ и въ юношескихъ лѣтахъ былъ привезенъ отцомъ своимъ изъ Полтавской губерніи въ Черноморію. Здѣсь въ 1825 году онъ поступилъ въ рядовые казаки тогдашняго Черноморскаго войска. Воспитанный съ дѣтства въ страхъ Божіемъ и на-